ДИМИТРІЙ КРЮЧКОВЪ.

Цвѣты ледяные.

Вторая книга стиховъ.

Видимъ яко зима хощетъ быти:
Сердце озябло и ноги задрожали.
Протопопъ Аввакумъ.

И-во

„Очарованный Странникъ".

Пасха.

14.

ТЕБѢ—МАРІЯ!

*
* *

О милая, вѣруй въ любовь!
Любовь заключить въ иго строкъ,
Въ размѣренный, риѳменный шагъ—
Не значитъ ли лечь въ саркофагъ,
Тому, кто безумствовать могъ.
О милая, вѣруй въ любовь!
Упорное, словно агатъ,
Любовное горе молчитъ—
Не мудрый ли рѣдкостный кладъ
Вдали, подъ землею, хранитъ.
О милая, вѣруй въ любовь!
Ты знаешь печали безъ слезъ,
Безъ смѣха и крика восторгъ—
Такъ въ море влюбленный матросъ
Проходитъ безсмысленнный торгъ.
О милая, вѣруй въ любовь!
Есть тысячи пѣвчихъ дорогъ,
На нихъ я причудникъ и магъ,
Но кто бы безрадостный могъ
Любовь заключить въ саркофагъ?
О милая, вѣруй въ любовь!

13 сентября 1913 г.

*
* *

Не будь, какъ Мареа, суетливъ,
Будь, какъ Марія, вѣще чутокъ—
Міръ такъ таинственен и жутокъ,
Какъ надъ водой склоненье ивъ.
Будь вѣчно-радостно крылатъ,
Великодушенъ, юнъ и добръ,
Пусть зѣвы гибельные кобръ
Ужалы темные таятъ.
Уже къ концу склонился день;
Тускнѣетъ яркое свѣтило
И ярость свѣта поглотила
Несыто-жаждущая тѣнь.
Зажглись вечерніе огни...
Для сердца ночи нѣтъ—нетлѣнно
Оно горитъ и бьется плѣнно
И рвется съ крикомъ «Раввуни»!

*
* *

Наводящіе жуть вечера,
По угламъ смутноликія тѣни,
Завтра тоже, что было вчера,
Ночью—страхи и муки моленій.
И лампады огонь желтоокъ,
Сновъ неясны и темны предѣлы—
Отогнать я, безсильный, не могъ
Скучной памяти острыя стрѣлы.
Завтра тоже, что было вчера,
Паутинчато-сѣрыя сѣти,
Наводящіе жуть вечера
И мечты о покинутомъ свѣтѣ.

Акростихъ.

Θеодору Сологубу.

Θеатромъ будничнымъ наскучивъ,
Его покинувъ жалкій плѣнъ,
Отплыть ты хочешь нынѣ въ тучи,
Душою магъ, а тѣломъ—тлѣнъ.
Отъ пыльныхъ долъ тебѣ не скученъ
Ракитный путь въ иной предѣлъ,
Усмѣйнымъ зовомъ кличутъ кручи,
Сіяньемъ сыплетъ солнцестрѣлъ.
Отравно зыбкое мечтанье—
Лечу и самъ тебѣ вослѣдъ.
Отринувъ сумраковъ познанье
Гоню мечту земныхъ побѣдъ.
Услада нѣжитъ чашу губъ,
Буквъ странно-мило сочетанье—
Утомно шепчешь—Сологубъ.

Зимнимъ вечеромъ.

Вчера упалъ пушистый, первый снѣгъ...
Вы вечеромъ пришли—и томный и печальный.
На тонкій ледъ едва застывшихъ рѣкъ
Фатою легъ уборъ зимы вѣнчальный.
Вашъ томный взглядъ былъ нѣжно утомленъ
И смуглыхъ щекъ померкъ румянецъ алый—
О милый спутникъ мой, о гость мой запоздалый,
Какъ Вашъ приходъ мной былъ благословленъ.
Пѣлъ клавесинъ прозрачно нѣжный звукъ,
Тетради нотъ свои раскрыли чары
И вспышки пламени въ каминѣ были яры,
Узоръ мелодіи вился изъ милыхъ рукъ.
Вашъ голосъ пѣлъ страданія Орфея,
Желаньями любви безплодно пламенѣя.

Снѣгопадъ.

Въ безснѣжномъ холодѣ
Чужими
Бродили
И о лѣсовъ минувшемъ золотѣ
Словами странными, иными
Мы говорили...
И вдругъ откинули оконный
Пологъ:
Лежитъ вездѣ нѣмой, бездонный,
Желанный снѣгъ.
И снова день, какъ сонъ, недологъ
И груди рѣкъ
Въ ледяной искрятся кольчугѣ...
И гимны мы слагаемъ вьюгѣ:
«О Снѣгопадъ,
Смѣнившій скучный Листопадъ,
Заворожи,
Запороши
Дѣвичій слѣдъ на троттуарѣ,
Осеребри налеты гари!
Вновь на аркадахъ
Снѣга схима
И сердце холодомъ палимо
Въ желанныхъ взглядахъ.
Утраченной невинности нарядъ
И санный бѣгъ,
Ледяный панцырь рѣкъ—
О Снѣгопадъ»!

Гаданье.

Я пойду сегодня ворожить:
На церковной паперти я стану
Ровно въ полночь; вьюгѣ—океану
Я велю мой слѣдъ запорошить
И къ ночнымъ я голосамъ подстану—
О Царицѣ стану ворожить.
Въ темной глади злыхъ зеркалъ
Пламя
Вдругъ заколебалъ
Вѣщій духъ...
Точно кто-то прошепталъ,
Знамя,
Рѣя, развѣвалъ
И потухъ.
Въ безконечной тьмѣ ходовъ
Золотой
Мнѣ мелькнулъ
Милый локонъ...
Кто-то нижетъ жемчугъ словъ,
Чередой
Потонулъ
Въ нишахъ оконъ...
Потухнетъ краткій день, зажгутся фонари
И я пойду по улицамъ гадая,
Въ случайной встрѣчѣ имя узнавая...
Сіянье электрической зари
Укажетъ путь. Лицо свое скрывая,
Гадать я стану, какъ зажгутся фонари.

Зимнія лиліи.

Какъ звукъ далекій осень скоротечна,
Чуть прошуршавъ, исчезла въ даль временъ
И садъ моихъ стиховъ унылъ и обнаженъ
Безжалостно, безгрезно и извѣчно.
А тамъ, гдѣ фей былъ призрачный дворецъ,
Сугробы снѣжные слѣпятъ глаза мнѣ бѣло,
Аллея грезъ фату снѣговъ одѣла,
На вѣткахъ—мертвенный, сверкающій вѣнецъ.
О чудо! Гдѣ нога твоя легко ступаетъ
И слѣдъ въ снѣгу оставитъ за собой,
Чаровной, заколдованной чредой
Вдругъ лилія внезапно расцвѣтаетъ.
О шепотъ радостный волшебныхъ, зимнихъ лилій!
О мука сладкая воскреснувшихъ безсилій!

* * *

Я унесенъ на талой льдинѣ
Въ далекій, хмурый океанъ,
Я здѣсь одинъ въ его пустынѣ,
Я бурей яростною пьянъ.
Я знаю, льдистые пріюты
Поглотитъ солнечный Драконъ
И эти клики влажной смуты
Со мною канутъ въ вѣчный сонъ.
Но унесенъ на талой льдинѣ
Я славлю ярость гнѣвныхъ чаръ
И гибну въ суетной гордынѣ
Поклонникъ огненной святыни,
Завидѣвъ солнечный пожаръ,
Несущій смерть холодной льдинѣ.

Θеодору Сологубу.

Дни медлительны и спутаны
И тоской напоены,
Свѣтлой дымкою окутаны
Голубые ночи сны.
Мы окованы, закованы
Въ золотыя цѣпи Дня,
Ввечеру мы очарованы
Алымъ полымемъ огня.
Потому мы любимъ сонные
Поцѣлуи какъ въ бреду,
Въ снахъ объятія нескромныя
И томительное «жду!»
Потому мы любимъ сѣрыя
Тѣни вечера въ углахъ,
Крѣпче любимъ, слаще вѣруемъ,
Дѣлимъ тьмы манящій страхъ.
Дни медлительны и спутаны,
Сны плѣнительно ясны,
Любимъ радостно окутаны
Въ сумракъ ласковой волны.

*
* *

Мной міръ преображенъ!
Изъ тонкаго стекла
Стѣною окруженъ
Не вѣдаю я Зла,
Ни радостей Добра,
Ни горечи разлукъ—
Мой духъ—какъ леть пера
Безъ свѣта и безъ мукъ.
Любовь за той стѣной
Какъ яркій истуканъ,
Но между нимъ и мной
Стекольчатый туманъ.
И я смѣюсь, пою
Въ кругу стеклянныхъ стѣнъ—
Ужель не разобью
Прозрачно-хрупкій плѣнъ?

*
* *

Лишь для обрядовъ, для молитвы
Сплетай восторженныя руки!
Другимъ—любовныя ловитвы,
Тебѣ—Голгоѳы крестъ и муки.
И только въ чинѣ постриженья
Разсыпь дѣвическія косы,
Отвѣть, при ладана моленьи,
На неизбѣжные вопросы.
Другимъ—любовь и сны и маки!
Тебѣ—лампадные огни,
Сѣдые, гаснущіе дни
И на Распятьи въ полумракѣ
Мученій радостные знаки
И каждодневное «Распни!»

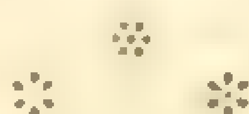
Сердце лапой звѣриною схвачено,
Баюномъ снѣговымъ омиражено,
Утро будетъ огнемъ омаячено
И моленіе будетъ уважено.
А пока шепотанья и лепеты,
Все неясно, все смутой отравлено
И въ зыбучіе, липкіе трепеты
Сердце страхомъ ночнымъ замуравлено.
За стѣной—баюна ликованіе,
На иконахъ—минувшіе праздники,
Чьихъ-то губъ неживыхъ цѣлованіе...
И тихонько лепечутъ указники:
«Преклонись, преклонись предъ престолами,
За дверями—дыханье Блаженнаго,
Окропимъ мы пахучими смолами
Трепетанія сердца плѣненнаго.
Обовьемъ пеленами; надгробные
Пропоемъ мы стихи, съ цѣлованіемъ
Мы опустимъ въ жилища утробныя
Тѣло съ сладостно-горькимъ рыданіемъ.
Ангелъ двинетъ надгробное каменье,
Въ третій день засверкаетъ лученіе,
Снова будетъ прошедшее знаменье,
Снова день твоего воскресенія».
Тише вы, шепотанья и лепеты,
Мнѣ блужданье надолго назначено,
Страхи, радости, муки и трепеты,
Сердце лапой звѣриною схвачено.

* *
*

Если тѣни тихо плачутъ,
Будетъ сонъ твой смутенъ значитъ...
Ты уснешь
И въ кругу твоихъ видѣній
Ты увидишь солнце, тѣни,
Лѣто, рожь...
Точно шаловливый мальчикъ
Колокольчика бокальчикъ
Вдругъ сорвешь
И у милой златорусой
Цѣловать хотѣлъ бы бусы—
Горьки будутъ тѣ укусы
Пчелъ былыхъ воспоминаній,
Дѣтства радостныхъ признаній,
Въ жаркомъ воздухѣ плесканій.
И слезу
За слезою ты уронишь,
Въ сѣти сонныя потонешь,
Въ бирюзу.
А безсмысленности цѣпи
Станутъ яростно—нелѣпѣй...
Тяжкій день
Оглушаетъ жгучимъ звономъ,
Гнетъ томительнымъ закономъ.
Гдѣ сирень,
Гдѣ тихонько тѣни плачутъ
Челноки твои маячатъ
Въ отдыхъ, тѣнь,
Къ тѣмъ лугамъ, гдѣ ты, какъ мальчикъ,
Колокольчика бокальчикъ
Вдругъ сорвешь,
Гдѣ не жалятъ злыя пчелы,
Гдѣ, вдыхая сосенъ смолы,
Ты поешь.

Былъ Лазаремъ четверодневнымъ,
Возсталъ, но гроба пелены
Влачу наслѣдіемъ я гнѣвнымъ
Тѣней покинутой страны.
И свѣта ликъ мнѣ чуждъ и страшенъ,
Люблю беззвучность, вечера...
Могу ль вкушать земныхъ я брашенъ
Пещеру кинувшій вчера?
И память смерти сердце точитъ
И жду исчезнувшихъ тѣней,
А Солнце яростно пророчитъ
Мнѣ хороводы долгихъ дней.
И брежу пѣніемъ плачевнымъ
И помню гроба пелены
И жажду быть четверодневнымъ
Во тьмѣ покинутой страны.

На снѣга упали тѣни розовыя,
Сегодня конецъ январю...
Рощи въ инеѣ красуются березовыя,
А въ небѣ потокъ янтарю...
На душѣ свѣтло и херувимчато,
Загораются надежды на весну,
Облака поютъ восторженно и дымчато.
Все блеститъ—куда я ни взгляну!
Водяной на волю снова просится,
Въ ледяномъ томится полону,
Въ полынью на солнце, жмурясь, косится
И уходитъ медленно ко дну.
Такъ воздушно таютъ тѣни розовыя...
Сегодня конецъ январю.
Въ сердцѣ—май и шепоты березовые...
Вотъ повѣрилъ солнцу—и горю!

У себя.

Дни какъ медленные шарики
Вѣчно-милыхъ, старыхъ четокъ,
Ночью—дальнихъ звѣздъ фонарики...
Духъ и радостенъ и кротокъ.
Лица нѣжныя, знакомыя,
Мебель въ обветшаломъ вкусѣ,
Умилительно-истомный
Ликъ на вышитомъ убрусѣ.
Въ небѣ точно перья страуса
Тучи мечутъ пышный вѣеръ.
За стѣной играютъ Штрауса
И романсы Клары Мейеръ.
На стѣнахъ—виды и мелочи,
На открыткахъ—honey-moon,
На столѣ—немного мелочи,
Альманахъ и въ немъ «Вдовунъ».
Дни какъ медленные шарики
Вѣчно-милыхъ, старыхъ четокъ;
Вечеръ—дальнихъ звѣздъ фонарики.
Сонъ и благостенъ и кротокъ.

24/VIII—13.

* *
*

Небо какъ ткань узорочья бухарскаго,
Взводни высокіе тихо идутъ,
Вѣрно далеко отъ холода Карскаго
Льды вѣковѣчные къ югу плывутъ.
Тяжко пахнуло дыханіемъ сѣвернымъ,
Волны отпрянули, ринулись вновь...
Горе полямъ вкругъ обители клевернымъ!
Солнце полярное—кровь,
Небо полярное матово-зелено,
Тундра скалистая, даль,
Снѣгъ вѣковой въ горныхъ кряжей расщелинѣ
И вѣковая печаль.
Солнце какъ пурпуръ величества царскаго,
Соль изумрудовъ воды,
Тихо плывутъ вдаль отъ холода Карскаго
Голубоглазые льды.

Горло Бѣлаго моря, лѣто 13 года.

Песья голова.

Во мглѣ ушедшаго, далекой и сѣдой,
Чтобъ женской прелестью не быть столь уязвленнымъ,
Въ даръ многихъ слезъ, моленій преклоненныхъ,
Вѣнчался юношъ песьей головой.
И нынѣ такъ—главу—обличье пса
Мнѣ ниспошли, чтобъ могъ я въ сей юдоли
Безъ устали глядѣться въ небеса,
Какъ песъ-отверженецъ, въ смиренной, низкой долѣ
И воплемъ славить мощь и чудеса
Твоей божественной и благодатной Воли.

23/10—13.

Тріолетъ.

Всего лишь восемь строкъ и снова
Ужъ тріолетъ поетъ, звенитъ...
Ужели сердце свой зенитъ
Достигнуть жалкое готово?
Ужъ тріолетъ поетъ, звенитъ:
«Иди, влюбляйся смѣло снова!
Любовь, какъ сновъ твоихъ основа,
Какъ тріолетъ поетъ, звенитъ»!

* *
*

Жизнь—это чара ложныхъ, бѣлыхъ зимъ,
Рѣка одѣтая въ льда саккосъ блѣдно-синій,
Жестокій хрустъ, опаловъ зыбкій дымъ
И четкость строгая дворцовыхъ, важныхъ линій.
Смерть—это садъ, нездѣшній, вѣчный садъ,
Цвѣтъ пышноцвѣтущійся надменныхъ, райскихъ Регій,
Престолъ властительный, фонтановъ звонкихъ рядъ,
Блаженства азбука безъ гибельной омеги.
И если смерть мнѣ дастъ забвенье зимъ,
Сонъ тихій, радостный на вѣчно-жданномъ брегѣ,
Все буду помнить я среди гордыхъ, райскихъ Регій
Печали бывшія, опаловъ зыбкій дымъ,
Искать мучительной, карающей омеги
Вѣнчавшей ледъ моихъ немногихъ зимъ.

8.10—13.

Ты одѣта въ ротонду изъ лучистыхъ снѣжинокъ.
Пятый ужъ часъ минуетъ. Вечеръ благостно тихъ.
И въ далекой лазури Кто-то тысячи льдинокъ
Разбросалъ такъ небрежно. Въ сердцѣ радостный стихъ.
Ты подумай, какъ ночью будетъ ярко лучиться,
Изумрудами сыпать тамъ вдали океанъ.
Какъ надъ нимъ будетъ рѣять черноокая птица,
Чернокрылая птица—вѣщедревній бакланъ.
Ты подумай, какъ ночью встанетъ ветхій святитель
Изъ серебряной раки, какъ беззвученъ и тихъ
Обойдетъ онъ всю тундру, сбережетъ онъ обитель
Отъ невидимыхъ ликовъ, отъ обиды и лихъ.
Ты подумай, какъ ночью хладноокой громадой
Льды полярные стынутъ, чаля къ Новой Землѣ,
Точно сирыя дѣти, голубые номады,
Проплывая, маячатъ въ мѣрно-зыблемой мглѣ.
На окнѣ—плачъ узорный изъ замерзшихъ слезинокъ
Словно я, онъ капризенъ, словно стынущій стихъ.
Ты проходишь въ ротондѣ изъ лучистыхъ снѣжинокъ.
Пятый часъ ужъ минуетъ. Вечеръ благостно тихъ.

8/10—13.

Въ снѣгу.

Ослѣпительная пудренница
Золотой голубокудренницы
Опрокинулась опять!
Снова я, забывъ усталости,
Въ пылкихъ, сумерочныхъ алостяхъ
У подъѣзда буду ждать.
Надо мной въ лугахъ лазурчатыхъ
Проплываютъ вдаль ажурчато
Снѣговыя облака...
Въ ледяной, холодной прелести
Сколько скрипа, сколько шелеста!—
Звѣздоносная рѣка.
День какъ малая жемчужина,
Сердце твердо и остужено,
Сердцу нечего терять.
Ослѣпительная пудренница
Золотой голубокудренницы
Опрокинулась опять!

24/8—13.

Сны.

Сонныя струнныя струи...
Сѣть соплетаемыхъ сагъ...
Манитъ медлительный магъ
Чѣмъ-то чудесно чаруя.
Поступь пестрѣющихъ павъ...
Тонкіе таютъ туманы.
Рдяныя, рваныя раны—
Ужасъ—утомный удавъ.
Ломкій лазоревый ледъ
Душу до утрени давитъ.
Принцемъ плѣнительнымъ правитъ
Ласточки легкой полетъ.
Инокомъ ино иду я
Немощенъ, набоженъ, нагъ.
Манитъ медлительный магъ...
Сонныя струнныя струи...

2/X—13.

* * *

Октябрь въ началѣ. Вновь студено.
Снѣгъ пляшетъ бѣлый свой балетъ,
А я слагаю тріолетъ
Подъ жаркой лампою зеленой.
Какъ снѣга я люблю балетъ!
Вѣдь Вы сказали въ мѣсяцъ ноны:
«Мнѣ кажется, что Ваши стоны
Лишь снѣга тающій балетъ»!

7/XI—13.

* * *

Приду къ какому очагу?
Къ какой я пристани причалю?
Цвѣтовъ нарву на чьемъ лугу?
Тебѣ ли душу офіалю?
Спокойные, меня не впустите,
Хотя кругомъ полярный ледъ,
Жестокій зимній хладъ и хрустъ. И тѣ
Огни пьетъ вѣтровый налетъ.
Зеленопѣнная тревожится
За дальней скальностью волна
И кто-то плачетъ, стонетъ, божится
И вьюга яростно пьяна.
А утромъ, у порога входнаго,
Подъ синимъ, радостнымъ стекломъ,
Мы тѣло блѣдное, холодное
Спокойные опять найдемъ.
И буду я глядѣть на трупное,
На мой почившій прежній ликъ
И снова чаять Неприступнаго,
Кто такъ далекъ, кто такъ великъ.
И это зная, берегу
Свои я слезы—плачу мало...
Приду къ какому очагу?
Когда увижу дно фіала?

11/XI—13.

Любить, я знаю, грѣхъ, я знаю, что нельзя,
Что стыдно мнѣ любить--вѣдь я монахъ всегдашній,
Вѣдь межъ плакучихъ ивъ идетъ моя стезя
Чрезъ кельи темныя къ инымъ, нездѣшнимъ брашнамъ.
Весь міръ мнѣ монастырь зеленый и простой,
А ты—келейница, ты радостное чудо,
Такъ будь отнынѣ мнѣ молитвенной сестрой
И литургійнаго не оскверняй сосуда.
Мнѣ сердце кровь зажгла Его священныхъ ранъ,
Что такъ горятъ и жгутъ, углемъ блаженнымъ тлѣя—
Нашъ бракъ съ тобою—тамъ, въ селеньи синихъ Канъ,
Тамъ, гдѣ лучистая воскреснетъ Галилея.
Мы будемъ братъ съ сестрой. Пусть похотью грозя
Рождаетъ темный дымъ Ликъ тающій и страшный.
Не быть твоимъ мнѣ здѣсь—вѣдь мнѣ любить нельзя,
Вѣдь стыдно мнѣ любить, вѣдь я монахъ всегдашній.

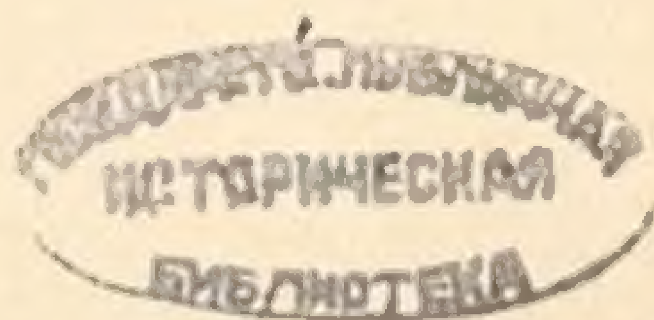
7/X—13.

Я все глядѣлъ бы въ Око темное,
Въ Твой древній Ликъ
И вдругъ, рыдая, въ губы томныя
Съ мученьемъ вникъ.
Какъ ястребъ птицу оробѣлую
Когтитъ и рветъ,
Такъ душу юрода несмѣлую
Моленье жжетъ.
Вкругъ жаркій шепотъ вспышекъ пламени...
Отрадно мнѣ
Всю ночь, весь день ждать тщетно знаменья,
Кипѣть въ огнѣ,
Лобзать и раны ногъ гвоздинныя...
Тихонько пѣть
И муки сумрака старинныя
И сердца плеть.
И чуять крылія огромныя
И въ мукѣ той
Увидѣть вдругъ, что Око темное
Полно слезой.

3/X—13.

Типографія Т-ва «Свѣтъ», Невскій 136.

* * *

Повремени! Рѣка хранитъ
Еще свой льдистый, бѣлый щитъ.
Ея серебряная нить
Еще не можетъ неба пить.
Едва промчавшійся морозъ
Порывы вьюгами занесъ
И можно къ храму не дойти,
Идя по талому пути.
Повремени! Мгновеній ходъ
Страстей субботу принесетъ
И грянетъ радостный канонъ
И поцѣлуетъ сердце звонъ
И будетъ вновь горѣть алтарь,
Полюбитъ сердце, какъ и встарь!
Повремени! Любовь хранитъ
Весны зеленый, юный щитъ!

Цѣна 35 копѣекъ.